

пересмотру Основных начал уголовного законодательства, куда вошли все заинтересованные стороны.

Фактически ноябрьскими постановлениями ЦИК и СНК СССР вопрос о неопределенных приговорах в какой-либо форме был снят с повестки дня законодательных органов, так и не получив своего положительного разрешения. Стоит отметить, что даже при условии принятия законопроекта, институт неопределенных приговоров не имел перспектив для успешной адаптации в отечественной правоприменительной практике. В условиях архаичной тюремной архитектуры (т.н. «система общих камер») и колоссальной переполненности общие места заключения РСФСР не могли в принципе обеспечить индивидуализацию наказания.

Л.В. Иванова, канд. юрид. наук

*Тюменская государственная академия
мировой экономики, управления и права*

ЭКССЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В современной России преступная активность населения по-прежнему в значительной части выражается в групповых посягательствах. При этом нередко встречаются случаи, когда кто-либо из соучастников совершает преступление, не охватывающееся умыслом других соучастников. Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 36 закрепляет норму об эксцессе исполнителя преступления, и устанавливает, что за эксцесс исполнителя другие соучастники ответственности не подлежат. Вместе с тем понимание эксцесса исполнителя преступления сложилось в российском уголовном праве не сразу. Во многом это было связано с тем, что само понятие «исполнитель преступления» как одного из соучастников преступления долгое время не находило отражения в законодательстве.

Остановимся на истории развития данной уголовно-правовой категории.

Из текста первого кодифицированного нормативного правового акта Древнерусского государства – Русской Правды (XI – XIII вв.), открытого в XVIII в. русским историком В.Н. Татищевым и дошедшего до нашего времени в трёх основных редакциях: краткой, пространной и сокращённой видно, что Русская Правда знает уже институт соучастия, хотя не называет его и не выделяет видов соучастников. В случае совершения преступления несколькими лицами, каждый подлежал наказанию – штрафу. Так,

ст. 31 гласит: «а иже крадетъ либо кон(ь), либо волю, или клетъ, да аще будетъ един крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будетъ 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви»¹.

Следует отметить, что в тексте ст. 31 имеется неточность в указании размера штрафа: в случае совершения преступления одним человеком — одна гривна 30 резан, а в случае, если воров несколько, то каждый платит по 3 гривны 30 резан. Вероятно, что в случае совершения кражи одним лицом, штраф был установлен также в 3 гривны 30 резан².

В Пространной редакции Русской правды, возникшей не ранее 1113 г., сохранились статьи о совершении кражи несколькими лицами. В отличие от Краткой редакции Русской правды, где указывалось на числовое значение лиц, совершающих преступление (например, 18), в Пространной редакции уже не проводится числовой конкретизации. По-прежнему не проводится разграничения на виды соучастников, и каждый из воров подлежал равному наказанию. На наш взгляд, в это время не выделяются виды соучастников в совершении конкретного (одного и того же) преступления, и все соучастники рассматриваются как соисполнители, поэтому и подлежат равной ответственности. Не содержится в данном акте и положений об ответственности лиц, в случае совершения одним из них иного преступления.

Аналогичная ситуация сохранилась и в период феодальной раздробленности (XII-XIV вв.). Псковская судная грамота содержит статью о разбое, совершённом шайкой. В данной норме роли каждого из соучастников не определялись, однако общественная опасность групповых преступлений подчеркивалась тем, что такие дела были подведомственны только суду князя. Позволим не согласиться с Е.В. Епифановой в том, что принцип ответственности нескольких лиц за нанесение побоев отличался от порядка, установленного Русской Правдой. Участвующие в причинении побоев несли ответственность в том же объеме, в каком отвечал бы за них один человек³. Однако и в период действия Русской Правды всем лицам назначалось равное наказание, вне зависимости от того, сколько лиц приняло участие в преступлении, один несколько, что следует из текста выше процитированных статей Русской Правды.

Таким образом, изначально уголовно-правовые акты регламентировали случаи совершения преступления несколькими лицами, не называя их соучастием и не выделяя различные виды участников по их ролевому

¹ Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 48.

² Там же. С. 61.

³ Епифанова Е.В. Становление и развития института соучастия в преступлении в России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 22.

признаку. Это было характерно не только для законодательства периода Русской Правды, но и судебников 1497 и 1550 гг., Сборника постановлений церковно-земского собора (Стоглав)¹.

Крупнейшим памятником русского феодального права является Соборное уложение 1649 года. В нём сделан значительный шаг в развитии уголовно-правовых норм. По мнению А. Богдановского, всех соучастников Уложение разделяло на главных виновников, помощников, покровителей. Но по-прежнему в законодательном акте такие категории, как «исполнитель преступления» не называются, используются различные определения в зависимости от вида совершаемого преступления: разбойники, тати и т.д., нет нормы и об эксцессе исполнителя преступления.

В законодательстве Петра I в нормах о соучастии наблюдаются новые черты. Несмотря на уравнительный характер наказания, законодатель выделяет виды участников преступления, определяет их признаки, устанавливается общий принцип ответственности за соучастие, как за совместное, цельное участие в одном едином противоправном деянии².

Следующий период характеризовался определением различных видов соучастников и закреплением их понятия, исходя из того, рассматривалось ли преступление как совершённое по предварительному сговору или нет. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в чистом виде понятия «исполнитель преступления» не выделяет, черты исполнителя можно увидеть при описании роли других соучастников преступления, при формулировании понятия главных виновников преступления происходит смешение роли организатора и исполнителя преступления.

Но именно в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, положения об эксцессе исполнителя преступления впервые были закреплены в виде отдельной нормы³. В соответствии со ст. 123 названного Уложения, когда кто-либо из участвовавших в преступлении при содеянии одного, учинил ещё другое, на которое не было между ним и прочими сообщниками предварительного согласия, то он подвергается наказанию по правилам о совокупности преступлений. На этом же основании определяется мера наказания и тех из его сообщников, которые сверх преднамеренного преступления, участвовали и в содеянии сего другого, или же заведомо не препятствовали совершению одного.

Последующие законодательные акты Российской империи не содержали норм, относящихся к эксцессу исполнителя преступления, несмотря

¹ Усов В.Г. Понятие и ответственность исполнителя преступления. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13-14.

² Етифанова Е.В. Становление и развития института соучастия в преступлении в России: дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 33.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб.: Тип. 2-го отделения Собств. Его Императ. Величества канцелярии, 1845. - 592 с.

на то, что в теории уголовного права сложилось устойчивое мнение о ненаказуемости эксцесса исполнителя преступления при соучастии¹.

В законодательстве советского периода также не закреплялись нормы об эксцессе исполнителя преступления, хотя постепенно понятие исполнителя преступления совершенствовалось.

Так, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. в разделе «о соучастии» уже используют термин «исполнители преступления», которыми считались те, кто принимает участие в выполнении преступного действия, в чем бы оно ни заключалось. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. повторяет положения Руководящих начал в части закрепления понятия исполнителя преступления.

Основные начала уголовного законодательства 1924 г. не содержат понятия соучастников преступления, а лишь закрепляют в ст. 12, что меры социальной защиты применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении.

В основу общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. были положены положения Основных начал 1924 г. Применительно к понятию исполнителя содержится более конкретная норма. В частности, в ст. 17 указывается, что меры социальной защиты судебно-исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление – исполнителей, так и их соучастников – подстрекателей и пособников.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. при раскрытии сущности исполнителя преступления добавляют указание на непосредственное совершение им преступления (ст. 17 Основ). Исполнитель выделяется как один из соучастников, наряду с организатором, пособником, подстрекателем. Аналогичное положение содержится и в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.

Несмотря на отсутствие в законодательстве нормы об эксцессе исполнителя преступления, в научной литературе вопрос о понимании эксцесса исполнителя преступления вызывал интерес. Вместе с тем подходы к его пониманию были неоднозначны. Так, в первой половине XX в. под эксцессом исполнителя понималось совершение им преступления, не охватываемого предвиденьем отдельного соучастника. Такой позиции придерживался, в частности, Ф.Г. Бурчак², А.А. Пионтковский³, Б.С. Утевский¹. В

¹ См., например, *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. 6-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. С. 62, 65.

² *Бурчак Ф.Г.* Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев: Вища школа, 1986. С. 182.

³ *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 587.

учебниках по общей части уголовного права, изданных коллективом авторов Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) в 1938, 1939 гг., рассматривался эксцесс исполнителя преступления, под которым понималось совершение исполнителем того, что не охватывалось предвидением отдельного соучастника, как элементом его прямого или эвентуального умысла².

Другие ученые, являющиеся сторонниками соглашения как необходимого признака соучастия (У.Э. Лыхмус, М.А. Шнейдер и другие), полагают, что эксцесс исполнителя преступления будет во всех случаях, когда имеется нарушение сговора³. А.В. Ушаков отмечает: «изучение материалов судебной практики показывает, что там, где речь идет об эксцессе исполнителя, выделяются два основных признака: признак выхода исполнителя (соисполнителя) за рамки предварительного сговора и признак совершения им другого самостоятельного преступления, который предусмотрен в Особенной части УК в качестве основного»⁴.

Положения об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления нашли отражение лишь в принятых 2 июля 1991 г. Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик (ст. 19), которые так и не вступили в силу с 1 июля 1992 г. вследствие распада СССР.

Согласно ст. 36 действующего в настоящее время УК РФ, эксцессом исполнителя признаётся совершение исполнителем преступления, не охватываемого умыслом других соучастников, то есть в настоящее время при характеристике данного уголовно-правового явления законодатель не использует категорию «умысел». Во много это объясняет и то, что большинство современных исследователей понимают под эксцессом совершение исполнителем таких действий, которые не охватывались умыслом остальных соучастников.

Таким образом, понимание эксцесса исполнителя преступления в основном сложилось к XX в., чёткое его закрепление относится к принятию УК РФ 1996 г. При этом следует отметить, что вопрос о понимании эксцесса исполнителя преступления неизбежно приводит к проблеме разрешения вопроса о правильной квалификации действий лица, допустившего эксцесс, и других соучастников преступления.

¹ Утевский Б.С. Соучастие в преступлении / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 13.

² Цит. по: Епифанова Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России / дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 91.

³ См.: Лыхмус У.Э. Квалификация соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1985. С. 16; Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву / отв. ред. А.Н. Васильев. М.: ВЮЗИ МВО СССР, 1958. С. 83.

⁴ Ушаков А.В. Основание и пределы ответственности соучастников преступления по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 243.